

воспроизводил не только стереотипные образы варваров, но и смог выйти в некоторой степени за рамки аксиологического подхода: «варвар» — либо плохой, либо хороший друг или враг. В разрабатываемой им «теории договора», основанной на идее всеобщего равенства, варвары наравне с греками и римлянами представляли субъектом истории. Это позволило Посидонию включить в реальное географическое и политическое пространство многие этносы (британцев, кельтов, мариандинов и др.) В его работах стереотипные представления о варварах постепенно уступали место нейтральным этнографическим описаниям (Fr. 105, 106, 170, 226, 244—246, 269, 285 [Kidd]; 80, 147 [Theiler]).

Эти выводы позволяют по-новому взглянуть на проблему восприятия варваров в античной историографии.

Э. Б. Петрова

ЦАРСКИЕ НАМЕСТНИКИ ФЕОДОСИИ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ Н. Э.

В двух керченских надписях (КБН. 36, 64) некие Менестрат и Аврелий Валерий Сог названы наместниками Феодосии — центра, выдающегося среди городов Боспорского царства и в географическом и в историческом смысле. Должность эта была достаточно почетной: в одном случае ее исполнял наместник царской резиденции, фигурирующий в списке высших царских чиновников, в другом — человек, хорошо известный в Риме, пользующийся благосклонностью императоров. В отношении управления город (а вернее, Феодосия как область) рассматривался боспорскими правителями как некая самостоятельная единица. Расположение на западных рубежах государства делало его важным в стратегическом отношении, а его порт, как и прежде, эксплуатировался в коммерческих целях. Из всех городов Боспора, кроме Феодосии, наместника имела только Горгиппия, следовательно, два пограничных города управлялись единообразно, через царских наместников, назначенных из среды придворной аристократии. В европейской части царства должность царского наместника известна только в Феодосии. Ясно, что правители старались в первую очередь обезопасить пограничные районы, соседствующие с воинствующими варварами. Для Феодосии такая политика властей не была новой, ведь область «Феодосия», видимо, существовала и ранее. Возникает вопрос о том, когда она могла получить в управление наместника?

Обе надписи, упоминающие наместников Феодосии, датируются довольно поздним временем (70-е гг. III в. и начало IV в.), должность же наместника Горгиппии известна по эпиграфическим памятникам уже с начала II в. (появиться она могла и раньше, при Аспурге). А вот наместник острова (северо-западная часть Таманского полуострова) появился скорее всего при Аспурге (КБН. 40). В ней Аспург назван царствующим над всем Боспором, Феодосией, многими племенами азиатского Боспора, подчинившим скифов и тавров. Точно так же он назван в другой надписи из Керчи (КБН. 39), которая датируется 23 г. н. э. К

этому времени Аспург получил признание Рима, совершил много великих деяний по укреплению царства, устрашению соседей, занялся административными делами, среди которых было и учреждение наместника острова. Обе надписи (КБН. 39, 40) датируются примерно одним временем, в обеих особо выделена Феодосия. Нельзя ли в осторожной форме предположить, что и должность наместника Феодосии (и ее округа) возникла уже в годы правления Аспурга? Царю пришлось воевать с ближайшими соседями Феодосии — скифами и таврами; не исключено, что и сами феодосийцы доставляли немало хлопот (уместно вспомнить о Кутлакской крепости, выстроенной при Аспурге в середине I в. до н. э. в 60 км. юго-западнее Феодосии. По мнению С. Б. Ланцова, форт был покинут гарнизоном, возможно, по решению Аспурга, как одна из карательных мер, предпринятых царем для ослабления сепаратистских устремлений Феодосия).

С именем Аспурга связано немало новшеств в жизни государства. Контроль за городами стал важнейшей частью внутренней политики царей — без городской экономики и думать нечего было о возрождении царства. Особенно выделялись крупные города, в том числе Феодосия. Эти города управлялись особыми царскими чиновниками. Именно Аспург ввел много новых должностей, включая наместников областей, городов. Нет ничего невозможного в том, что и должность наместника Феодосии появилась при нем, а не позже. Надписи КБН. 36 и 40 свидетельствуют о том, что боспорские правители еще в конце III — начале IV в. рассматривали город и его округу как свои владения (и как самостоятельную административную единицу) и держали там наместника. Правда, Аврелий Виктор Сог не считал нужным упомянуть имя боспорского правителя, наместником коего он мог быть, то есть Фофорса при этом не без гордости сообщил о своей известности римским императорам. Сделал он это, видимо, сообразуясь с обстановкой: ориентация на Рим была выгоднее, так как Боспор переживал не лучшие времена, к внутренним неполадкам и варварскому присутствию добавились новые сложности — военные столкновения с Херсонесом, подстрекаемым римлянами (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. 53). Сог покинул Боспор и отбыл на службу в Рим накануне первой боспоро-херсонесской войны, по возвращению на Боспор был проримски настроен, но это совсем не означает, что он стал римским ставленником в Феодосии. После первой войны боспорцы сохранили свои земли на западе, Фофорс примирился с Римом и в угоду ему назначил вернувшегося на родину Сога своим наместником на западных рубежах царства. Тот управлял Феодосией при Фофорсе, а может быть, и при Радамсаде. Сам же наместник мог считать себя в большей степени ставленником Рима, чем властей Боспора. В пользу того, что Феодосия и ее округа в те времена еще принадлежала боспорцам, свидетельствует тот факт, что надпись Сога обнаружена в столице царства, по всей вероятности, там же им была построена и молельня.

После второй войны боспорцы потеряли часть земель, отошедших по решению Рима к Херсонесу. «Места, называемые Кафа», стали границей владений Боспора и Херсонеса. Кафой тогда могла называться не Феодосия, а территория, простиравшаяся от предгорных районов Главной гряды Крымских гор, хора античной Феодосии. В «места, называемые Кафой», входила и в те времена уже

лишенная былого значения небольшая Феодосия. Следовательно, в начале 40-х гг. IV в. Феодосия и ее округа отошли от Боспорского царства. Город и соседние с ним земли не избежали гуннского разгрома — отсюда и отсутствие в Феодосии археологических и письменных свидетельств, датированных временем после IV в. Между этим столетием и последующим временем, когда город уже под именем Каффа вновь предстал пред миром во всем своем блеске и значимости (как было и в V — II вв. до н. э.), пролегла полоса забвения, жизнь на городище едва теплилась, но, кажется, не замерла вовсе, о чем свидетельствует некоторое число византийских монет, собранных на феодосийском Карантине в конце XIX в., и упоминание Феодосии авторами VI — X вв.